

Украинѣ католиковъ и униатовъ въ православіе. Затѣмъ добавляетъ: «Но хотя бѣ и всего сего не было, однако *не время въ настоящихъ обстоятельствахъ* пустыми замыслами архіерея Переяславскаго *хлопоты здѣшнія и замѣшательства умножать*».

Въ заключеніе запрещаетъ чрезъ Прозоровскаго Гервасію возбуждать дѣла о возвращеніи униатовъ къ православію, — «чтобъ онъ болѣе такихъ здѣсь замѣшательствъ не дѣлалъ».

Интересны еще два донесенія Прозоровскаго, также нѣсколько проливающія свѣтъ на дѣло Мелхиседека и Гервасія. Получивъ изъ польскихъ источниковъ свѣдѣнія объ участіи въ возстаніи Мелхиседека, Репнинъ велѣлъ Прозоровскому посѣтить Мотренинскій монастырь и схватить Мелхиседека. Прозоровскій поручилъ это подполковнику Бринку, который, посѣтивъ монастырь, донесъ, что въ монастырѣ ничего подозрительнаго не нашель и что Мелхиседекъ отсутствуетъ изъ монастыря еще съ мая 1767 г. и находится въ Переяславѣ.

Съ другой стороны, Прозоровскій, узнавъ отъ пойманныхъ гайдамакъ, что послѣдніе принуждали униатскихъ священниковъ ѣхать въ Переяславъ къ Гервасію за благословеніемъ, доносилъ: „онъ, епископъ (Гервасій), за показанными попами, дабы оныя къ нему ѣхали, никого не присылалъ и писемъ о томъ ни къ кому не писалъ“.

Въ чемъ состояла „вина“ Гервасія и Мелхиседека—становится все болѣе и болѣе яснымъ¹⁾.

Вл. П—но.

Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. Въ іюль 1768 г. епископъ (впослѣдствіи архіепископъ) Бѣлорусскій Георгій Конисскій, знаменитый печальникъ о судьбѣ православныхъ въ Польшѣ, обратился къ русскому послу въ Варшавѣ князю Н. В. Репнину съ указаніемъ на предполагавшееся въ Могилевѣ устройство поляками конфедерации и съ просьбой о присылкѣ, въ виду этого, „хотя со сто человекъ команды для бытія гдѣ въ Могилевѣ до успокоенія возмущенія“. Получивъ это письмо, Репнинъ писалъ 1 августа въ Петербургъ полковнику Кару.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дѣль, и Польск. дѣла, 1768 г., связки—20, 21 и 22.

„При семъ прилагаю оригинальное письмо нашего враля епископа Бѣлорусскаго, которой вовѣкъ ни съ кѣмъ ужиться не можетъ на все всегда жалуется, и лишь бы кто толко попъ былъ, да не нашего закона, то онъ уже и готовъ къ нему въ волосы впитаться. Но вѣтъ нужды мнѣ объ немъ описывать, ты его самъ знаешь. Увидишь, изъ его письма, что онъ просилъ для своей безопасности человѣкъ сто прикрытія въ Могилевъ. Я думаю, что вся сія опасность въ его толко головѣ находится, однако при нынѣшнихъ замѣшательствахъ отвѣчать за то нельзя, а мнѣ изъ здѣшнихъ войскъ послать туда некого, и тако представь объ семъ пожалуй Никитѣ Ивановичу (Панину) и доложи, ни прикажетъ ли онъ изъ нашихъ границъ кого туда послать. Но естли то намѣрится повелѣть, то прошу я, чтобъ посланъ былъ человѣкъ смирной, не гордитель и не фанатикъ, ибо сей нашъ архіерей бѣлоруской во имя Божіе до всего довести можетъ“ (Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д. польск. дѣла, 1768 г., приложенія къ депешамъ Ретина).

Вл. П.

Грамота Максима Желѣзняка. „Я Максимъ Залѣзнякъ, полковникъ Низового Запороскаго войска, даю отъ себе документъ Феодору Осачому (Осадчому?) мѣстечка Теплика, аби онъ мѣщанъ и прочіи громади ключа того мѣстечка въ добрѣмъ состояніи здержоваль, яко то: аби имѣлъ власть судити, радити и во всякихъ случаяхъ добре справовати, добримъ добре воздавати а злихъ бунтовниковъ смертельными кіями карати, а мѣщанамъ и прочіимъ громадамъ ключа выше описанаго мѣстечка приказую, аби ему во всякихъ случаяхъ послу(ш)ни були, бунтов между собою не робили. При се(м) будте здорови.

Максимъ Залѣзнякъ, полковникъ Низовскій, съ товариствомъ.

Д. 1768 года, іюня 13 дня. в Умани“.

(Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д., польск. дѣла, 1768 г., связка

№ 21).

Сообщ. Вл. П—но.